

О вѣчной книгѣ

(Памяти М. О. Гершензона).

И обратится прахъ въ землю,
чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвра-
тится къ Богу, Который далъ его.
Экклезіастъ. XII. 7.

Трудно, безмѣрно трудно писать и говорить о человѣкѣ, который вчера еще былъ между нами и былъ такимъ же живымъ, какъ и мы всѣ, и котораго сегодня, по непостижимому закону судьбы, между нами нѣтъ и котораго мы поэтому принуждены называть мертвымъ. Древнее напутствіе — *de mortuis aut nihil, au bene* — не помогаетъ. Хвалить не трудно — особенно когда отошедшій въ иной міръ былъ такимъ крупнымъ человѣкомъ и такъ много сдѣлалъ, какъ покойный М. О. Гершензонъ. Но совѣсть не позволяетъ хвалить; совѣсть твердитъ, что люди и выдумали свои напутствія и такой способъ отношенія къ умершимъ лишь затѣмъ, чтобы не нужно было болѣе общаться съ ними, чтобы имѣть право больше не вспоминать о нихъ, чтобы не только прахъ, но и духъ зарыть въ могилу. И каждый разъ, когда хочется сказать хвалебное слово, что то останавливаетъ тебя. Кажется, что чувствуешь на себѣ укоризненный взоръ покойнаго, какъ бы безъ словъ говорящій: и ты принялъ очевидность и ты покорился ей и, чтобы не спорить съ ней, превозносишь мои заслуги, то, что послѣ меня осталось, а меня отдаешь во власть смерти и уничтоженія...

Если бы можно было реквиемъ написать — это было бы не такъ обидно для покойнаго! Но мало кому дано сочинять реквиемы. Можетъ быть попытаться побесѣдовать съ покойнымъ? М. О. Гершензонъ оставилъ послѣ себя книги. Вчитаться въ нихъ, прислушаться вновь къ его голосу. И, быть можетъ, дерзнуть еще на большее: попытаться угадать, что онъ говоритъ, что онъ думаетъ теперь о томъ, что его тревожило и волновало, когда онъ, какъ и мы, былъ отдѣленъ ограниченностью своего смертнаго существа отъ послѣдней тайны. Это — вмѣсто реквиема един-

ственная дань, которую, безъ гнѣва, если не все обманываетъ, согласится принять отъ насъ покойный. И не потому, что мы отгадаемъ его новыя мысли. Врядъ - ли отгадаемъ — мы, которые такъ плохо проникаемъ даже въ мысли тѣхъ, кто еще живетъ съ нами. Но неумѣлость нашу, мы надѣемся, онъ намъ простить, хотя бы за то, что мы не согласились отдать его во власть смерти.

Я вновь перечелъ, вновь прослушалъ три небольшихъ книги покойнаго : его « Ключъ вѣры », « Гольфстремъ » и « Переписку изъ двухъ угловъ ». Всѣ три написаны почти одновременно — въ послѣдніе годы его жизни. И тоже всѣ написаны на одну тему. « Переписка » — самая ранняя и самая маленькая изъ нихъ, при чемъ М. О. является тутъ авторомъ только на половину, поскольку онъ отвѣчаетъ на обращенныя къ нему письма В. Иванова. И все же десятокъ напечатанныхъ въ этой книжечкѣ писемъ М. О. даютъ намъ безмѣрно много : эти письма научаютъ насъ читать и « Ключъ вѣры » и « Гольфстремъ »! Можетъ быть, они научатъ насъ читать и другія книги, трактующія о первыхъ и послѣднихъ вещахъ.

Переписку началъ В. Ивановъ. Первые слова его первого письма какъ будто должны сразу опредѣлять тему переписки. В. Ивановъ пишетъ : « знаю, дорогой другъ и сосѣдь по углу нашей общей комнаты, что Вы усомнились въ личномъ безсмертіи и личномъ Богѣ ». Надо полагать, что у В. Иванова были « достаточныя основанія » обратиться къ своему сожителю съ такими словами. Они, вѣдь, стали переписываться послѣ того, какъ много и долго прежде разговаривали и лишь когда убѣдились, что дальше разговаривать нельзя. Почему нельзя ? Можетъ быть, потому, почему у Достоевскаго не могли разговаривать межъ собой Шатовъ и Кириловъ : вѣдь большевистская здравница мало чѣмъ отличалась отъ того американскаго сарая, въ которомъ жили герои « Бѣсовъ ». Но, какъ сейчасъ увидимъ, не только потому. М. О. отвѣчаетъ В. Иванову : « нѣтъ, не усомнился я въ личномъ безсмертіи и подобно Вамъ знаю личность вмѣстительцемъ подлинной реальности. Но объ *этихъ вещахъ, мнѣ кажется, не надо ни говорить, ни думать* ». В. Ивановъ не можетъ согласиться съ этимъ. Онъ убѣжденно и настойчиво отстаиваетъ свое право не только думать, но и говорить обо всемъ. Но, чѣмъ больше и лучше онъ говоритъ — а В. Ивановъ мастеръ хорошо говорить — тѣмъ упорнѣе отказывается М. О. его слушать. Иной разъ кажется, что вотъ вотъ измѣнить онъ принятому имъ на себя обѣту сдержанности и не своимъ голосомъ крикнетъ, какъ когда то Верленъ : *pr ôds l'eloquence et tords lui son cou*. Въ послѣднихъ письмахъ взаимное раздраженіе друзей и сосѣ-

дей по комнатѣ становится уже совершенно явнымъ. Что бы ни сказала В. Ивановъ — М. О. отвѣчаетъ : нѣтъ, не то. Прекрасно, чудесно выражено, но не то. « Въ смертный часъ я вспомню не объ этомъ » — и въ « трудныя, роковыя минуты жизни не это мнѣ понадобится » . . . Съ такими « критеріями » въ душѣ слушаетъ М. О. чарующія рѣчи В. Иванова — и чары разбиваются, волшебный жезлъ его теряетъ свою чудодѣйственную силу. В. Ивановъ не можетъ простить своему другу его « жестоковѣрности » и, подъ конецъ, начинаетъ бранить его — называетъ его « русскимъ интеллигентомъ », « бѣгуномъ » (все это очень сильные бранныя слова въ устахъ В. Иванова), коритъ его « безпамятствомъ » и т. д. На этомъ переписка заканчивается : друзья не могли ни до чего договориться.

II.

Переписка изъ двухъ угловъ относится къ 1920 г. А въ 1922 г. вышли двѣ книги М. О., которыя я уже назвалъ : « Ключъ вѣры » и « Гольфстремъ ». Если бы въ 1922 году друзья снова попали въ здравницу и вздумали продолжить переписку, В. Иванову пришлось бы отказаться отъ главныхъ, даже отъ всѣхъ пунктовъ своего обвиненія. У М. О., какъ оказывается, была память — и превосходная. В. Ивановъ только до Египта добрался, и Египетъ ему казался предѣломъ, за которымъ для человѣка исторія прекращается. М. О., опираясь на данныя филологин, старается проникнуть въ еще болѣе глубокую старину — въ т. наз. доисторическія эпохи. И въ « руссоизмѣ » М. О. оказывается неповиненъ : онъ не только не стремится къ опрощенію, онъ является предѣмъ пами во всеоружіи современной учености и съ истинной любовью говорить о своихъ и чужихъ « идеяхъ ». В. Ивановъ, горделиво заявившій о себѣ, что онъ настолько же европеецъ, какъ и русскій — принужденъ былъ бы признать въ своемъ недавнемъ противникѣ единомышленника. И это, пожалуй, было бы для него величайшимъ торжествомъ : вѣдь онъ только того и добивался, чтобы принудить своего друга, или, какъ онъ осторожно говорилъ, привести его къ « вольному пріятію » тѣхъ идей, которыя онъ выработалъ за долгіе годы своей литературной дѣятельности. В. Ивановъ — человѣкъ терпимый (не даромъ онъ себя европейцемъ называлъ), онъ всегда готовъ разрѣшить своему другу свободу въ выборѣ идей — единственно, что было для него невыносимымъ, это готовность М. О. « кинуться въ Лету, чтобъ безслѣдно смылась съ души память обо всѣхъ религіяхъ и философскихъ системахъ, обо всѣхъ знаніяхъ, иску-

ствахъ, поэзіяхъ ». Такого устремленія В. Ивановъ не можетъ простить М. О. И, я думаю, не только В. Ивановъ : никто изъ современныхъ культурныхъ людей не разрѣшитъ своему ближнему *такую* свободу. Да и свобода-ли это ? Больше того : нужна ли была въ самомъ дѣлѣ такая свобода М. О. ? Не вправдѣ-ли былъ бы В. Ивановъ, указывая на « Ключъ вѣры » и « Гольфстремъ », сказать М. О. : « ты, который мечталъ освободиться отъ философскихъ системъ, знаній, искусства, ты вернулся ко всему этому и такъ же прочно держишься этого, какъ и я, котораго ты не хотѣлъ слушать ? »

« Ключъ вѣры » попытка открыть доступъ современному человѣку къ Библіи, « Гольфстремъ » тоже попытка связать современную мысль съ одной изъ древнѣйшихъ философскихъ системъ — съ системой Гераклита. М. О. знаетъ, что не только Библия, но и Гераклитъ, для того, кто стоитъ на уровнѣ новѣйшихъ завоеваній науки, есть только великолѣпная руина, которыми можно издали любоваться, но которыя разваливаются въ прахъ при первомъ соприкосновеніи со « строгими » требованіями критики. И, что, стало быть, если не переголовать Гераклита и не приспособить Библию къ навывамъ и требованіямъ нашего мышленія, никто съ ними считаться не станетъ. А нужно, во что бы то ни стало нужно заставить людей считать не только съ Гераклитомъ, но и съ Библией и даже съ библейскимъ Богомъ. А разъ такъ, стало быть надо « оправдывать » — надо показать, что и Библия и Богъ Библии не оскорбляютъ тѣхъ представлений объ истинѣ и добрѣ, которыя предполагаются имѣющимися у насъ навсегда непреложными. « Я хочу рассказать, заявляетъ намъ М. О. въ заключеніе уже первой главы « Ключа Вѣры », какъ въ образѣ ветхозавѣтнаго Бога, жилъ, страдалъ и совершалъ свое міровое дѣло всеобщій Богъ человѣчества ».

III.

Гераклита мы оставимъ въ сторонѣ : въ небольшой статьѣ нѣтъ возможности исчерпать все, о чемъ размышлялъ М. О. въ послѣдніе годы своей жизни. Тѣмъ болѣе, что даже торопливый читатель безъ труда можетъ замѣтить, что, какъ ни чтить М. О. Гераклита, его основная тема, его завѣтная мысль и глубочайшія чаянія — связаны съ Богомъ Библии. И вотъ я спрашиваю, что должно было сдѣлаться съ этой мыслью, когда потребовалось, какъ выражается М. О., въ ветхозавѣтномъ Богѣ увидѣть и показать всеобщаго Бога человѣчества ? Мы слышали отъ него, что, когда онъ жилъ въ здравницѣ, его больше всего тревожили

и раздражали навязчивыя требованія влитавшихся въ него современныхъ истинъ. Онъ не принималъ ничего изъ того, о чемъ ему такъ краснорѣчиво рассказывалъ В. Ивановъ — ибо чувствовалъ, что въ роковыя минуты жизни это ему не понадобится, и въ смертный часъ онъ не объ этомъ вспомнить. Неужели онъ *это* забылъ, неужели могло ему показаться, что въ смертный часъ онъ вспомнить о «всеобщемъ Богѣ человечества», т. е. о библейскомъ Богѣ, такъ переродившемся, что всякій человѣкъ, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ всегда узнаетъ его? И, главное, узнаетъ его современный человѣкъ, который, какъ извѣство, о смертномъ часѣ никогда не думаетъ и думать не хочетъ и который не вѣрнѣе въ пагубу роковыхъ переживаній — узнать и найти этого Бога соответствующимъ, какъ принято говорить пунѣ, своимъ идеаламъ! Самое поразительное, что М. О., превосходный знатокъ исторіи, какъ бы совсѣмъ не замѣчаетъ, что, задаваясь цѣлью превратить библейскаго Бога въ «общечеловѣческаго», онъ только продолжаетъ уже давно, очень давно начатое людьми дѣло. Еще съ первыхъ вѣковъ нашей эры, т. е. съ того момента, когда Библия стала достояніемъ греко-римскаго культурнаго міра, образованные люди стремились превратить библейскаго Бога въ Бога общечеловѣческаго, т. е. выгравить въ его образѣ все тѣ черты, которыя не мирились съ представленіями культурныхъ людей о несовершенномъ существѣ. Особенно рѣзкое и своеобразное выраженіе это стремленіе получило въ ученіи гностиковъ, главнымъ образомъ въ ученіи Маркіона. Маркіонъ все силы своего огромнаго ума и исключительнаго дарованія направилъ на то, чтобы убѣдить формирующуюся тогда молодую христіанскую церковь отречься отъ Ветхаго Завета. Онъ училъ, что Богъ Ветхаго Завета — не настоящий Богъ и что созданный имъ міръ — не настоящий міръ. Попытка Маркіона, какъ извѣстно, не увѣчалась успѣхомъ, церковь отъ Ветхаго завета не отрелась. Но его идеи оставили въ исторіи глубокіе слѣды. Въ невидимыхъ, скрытыхъ тайникахъ даже вѣрующихъ душъ носелось подозрѣніе, что Ветхий Заветъ не долженъ быть включенъ въ Св. Писаніе и что Бога Ветхаго Завета рано или поздно придется отвергнуть.

Въ наши дни то, что такъ долго было тайнымъ, стало явнымъ. Недавно вышла книга одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи христіанства, Адольфа Гарнака, того самого Гарнака, который такъ много говорилъ и негодовалъ по поводу «элленизаціи христіанства», т. е. о томъ, что въ христіанствѣ эллинскій духъ восторжествовалъ надъ библейскимъ. Въ этой же книгѣ—посвященнѣй Маркіону — Гарнакъ заговорилъ по иному. Онъ заявляетъ

во всеуслышаніе, что Маркіонъ былъ правъ и, что, если церковь въ первые вѣка отвергла его, то это было результатомъ исторической необходимости, если реформація не приняла его тоже — то въ этомъ нужно видѣть рокъ, если же современные протестанты не идуть за нимъ, то въ этомъ сказывается параличъ ихъ религіозной воли. Гарнакъ требуетъ, чтобы протестанты исключили изъ каноническихъ книгъ Св. Писанія Ветхій Заветъ. Ибо, объясняетъ онъ, повторяя «эллинскую» критику Маркіона, Ветхій Заветъ говоритъ о Богѣ, который не соответствуетъ представленіямъ культурныхъ людей о «высшемъ началѣ». Гарнакъ, какъ видите, уже не соглашается — Маркіонъ его научилъ этому — на то, чтобы посредствомъ истолкованія «облагообразить» библейскаго Бога. Онъ, въ противоположность Паскалю, требуетъ, чтобы всё открыто заявили, что Богъ Авраама, Исаака и Якова — не есть Богъ, и что Бога нужно искать тамъ, гдѣ по нашимъ убѣжденіямъ можно найти истину — у ученыхъ, философовъ, моралистовъ, а не въ старой книгѣ, которую въ теченіе вѣковъ бережно хранилъ маленькій, невѣжественный, стоявшій въ сторонѣ отъ большой дороги исторіи, народецъ.

IV.

Сразу можетъ показаться, что и М. О. стремится къ тому же, что и Гарнакъ. Въ «Ключѣ вѣры» онъ какъ будто только объ одномъ хлопочетъ: такъ рассказать о Библіи, чтобы всё люди убѣдились, что Ягве былъ «всеобщимъ Богомъ», такимъ, который можетъ быть оправданъ предъ судомъ нашего разума. Въ первыхъ главахъ «Ключа вѣры» онъ, не хуже Маркіона, рассказываетъ, какъ мало соответствуетъ Богъ пятикнижкія представленіямъ о совершенномъ существѣ. Правда — и этого улу-сказать изъ виду нельзя, ибо это открываетъ намъ смыслъ «Ключа вѣры» — въ его критикѣ Ветхаго Завета въ совсѣмъ не слышите тѣхъ нотъ раздраженія, негодованія и даже презрѣнія — въ которыхъ выражался паеосъ Маркіона и которыя прорываются у Гарнака, несмотря на то, что онъ всячески старается сохранять безпристрастіе ученаго историка. М. О. любитъ, всѣмъ сердцемъ и душой любить Ягве, котораго онъ подвергаетъ столь строгой критикѣ. Но, все же, когда онъ со своимъ «Ключемъ вѣры» является предъ людьми, ему приходится признать, что его любовь недостаточна «оправдываетъ» Бога, что luckily еще, чтобы «разумъ», то что мы называемъ, вслѣдъ за Маркіономъ и его эллинскими учителями, разумомъ оправдало Его. М. О. пишетъ, напр., — вспоминая «миръ» о борьбѣ Якова съ Бо-

томъ : « я не смѣю пояснять отдѣльныя черты этого міа — пусть каждый самъ взглянется въ нихъ ». Но сейчасъ же, послѣ этихъ благоговѣйныхъ словъ, онъ, по поводу Исх. IV, 24 - 26 замѣчаетъ : « въ этихъ циклопическихъ образахъ древней пародной фантазіи, какъ въ твердой скорлупѣ, было скрыто ядро еврейской религіи : когда скорлупа распалась, — ядро проросло ». Когда вы читаете эти строки, вы сразу уже угадываете, что изъ этого выйдетъ, вы чувствуете, какъ эллипсіе « критеріи » незамѣтно прокрались въ сознание М. О. и медленно, но вѣрно начала свое дѣло разрушенія. Когда нельзя было иначе, « критеріи » даже соблазнили и М. О. къ неточному изложенію библейскаго повѣствованія. Въ Библии сказано : « отъ всякаго дерева въ саду ты можешь ѣсть, а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него ; потому что въ день, въ который ты вкусишь отъ него, умрешь ». Такъ сказано въ Библии, а разумъ, который никогда не примирится съ тѣмъ, что плоды знанія добра и зла, т. е. его собственные плоды — смертоносны, подсказываетъ автору « Ключа вѣры », что Богъ « запретилъ » тоже ѣсть плоды и отъ дерева жизни. Безъ такого искаженія, безъ допущенія, что Богъ не только отнялъ у человѣка знаніе добра и зла, но и закрылъ для него источники жизни, невозможно довести до конца « разумную » критику Св. Писанія. М. О. потому, даже не останавливается на сказаніи о грѣхопадѣніи — и только вскользь касается его, какъ бы подчеркивая этимъ наше право выбирать изъ Вѣчной Книги только то, что намъ кажется понятнымъ и пріемлемымъ и отбрасывать или перетолковывать то, что представляется непонятнымъ и непріемлемымъ, и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока ему не начнется казаться, что старая книга уже совершенно очищена отъ « предразсудковъ » и « суевѣрія » и что въ такомъ видѣ она можетъ дерзнуть предстать на судъ современнаго человѣка. Такъ, чтобъ пояснить первый стихъ перваго псалма — « блаженъ мужъ, который не ходитъ въ совѣтъ нечестивыхъ », М. О. пишетъ : « вѣрующій отличается отъ невѣрующаго характеромъ своей душевной жизни ; въ вѣрующемъ душевная жизнь совершается закономерно ; оттого всякое его чувство и всякій помыселъ существенны, плотны, конкретны и всѣ вѣдѣтѣ располагаются въ стройномъ порядкѣ, почему и во вѣдѣ получается благообразіе и удача ». Говоря о томъ, что Іеремія (VI. 9) называетъ пагубу, которую Богъ посылаетъ на евреевъ « плодомъ ихъ помысловъ » или объ наказаніяхъ, которыми Іисусъ Навинъ (XXIII, 12 - 13) грозилъ Израилю, М. О. считаетъ необходимымъ представить такого рода истолкованія : « Намъ сразу ясно, какъ понимали тѣ люди законъ возмездія ; нѣтъ сом-

вѣнія : въ своей первоначальной чистой формѣ, раньше чѣмъ народное суевѣріе обросло его коростой, вѣрованіе это было насквозь прозрачно : оно выражало не что иное, какъ дознанный въ опытѣ и вѣдѣмъ понятный психологическій законъ. Божья кара не сверху падаетъ на грѣшника — она зарождается въ немъ самомъ. . . . *Кара — не чудо, но естественный плодъ духа, помраченного безбожіемъ*». Или останавливаясь на такихъ выраженіяхъ Библии, какъ «бояться Господа», «ходить предъ лицомъ Его» — онъ предлагаетъ такое толкованіе : «смыслъ вѣдѣхъ этихъ терминовъ одинъ : отреченіе отъ личной воли. Только одно пужно Богу — самоотреченіе. . . . Напротивъ единственный грѣхъ человека — жить по своей волѣ». И, какъ выводъ изъ всего : «такова непреложная воля Бога, *другими словами — таковъ предустановленный мировой законъ* : . . . личность, какъ самостоятельная воля, должна угаснуть и стать пріемникомъ и исполнителемъ Божьихъ велѣній». И еще : «міръ все равно въ концѣ концовъ побѣдитъ личность, т. е. полностью выдритъ изъ человека свою волю : *тоталитарство объективнаго разума* надъ личнымъ сознаніемъ и своеволіемъ неизбежно. Это и будетъ царство Божіе на землѣ, предвѣщенное пророками». И, въ самомъ концѣ книги. — какъ бы въ итогѣ вѣдѣхъ предшествующихъ размышленій — мы читаемъ : «сущее — призракъ, а ложь, лишь мгновенный видъ становящейся таинственно-предопредѣленной жизни : въ сущемъ *реальна не данность, а тенденція, должеествованіе*. Следовательно міръ — *закономерно и непреклонно* осуществляющийся замыселъ или, по терминологіи стараго мѣра, — замыселъ Бога». Чѣмъ ближе къ концу книги, тѣмъ больше сливается мысль М. О. съ «общечеловѣческой мыслью», т. е. какъ разъ съ тѣмъ, въ чемъ и В. Ивановъ находилъ послѣднее слово мудрости. Всякій кто знакомъ хоть немного съ повѣдѣніями философскими теченіями, безъ труда различитъ въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ «Ключа вѣры», (особенно характерныя выраженія я подчеркнулъ) равно какъ и въ обрашеніяхъ къ М. О. писемъ В. Иванова, черты такъ безраздѣльно овладѣвшаго умами нашихъ современниковъ этического идеализма Фихте, который, какъ извѣстно, въ угоду своимъ эллиптическимъ учителямъ, все Св. Писаніе укладывалъ въ первый стихъ 4-го Евангелія. . . . Когда В. Ивановъ предлагалъ М. О. этический идеализмъ, облаченный хотя и въ самодѣльные, но прекраснѣйшія ризы, М. О. съ ужасомъ отворачивался отъ его проповѣди и называлъ его сиреной. Но, когда ему самому пришлось выступить въ качествѣ учителя — онъ смиренно покорился своей участи и сталъ истолковывать Библию въ такихъ словахъ, точ-

но пророчества Гарнака уже сбылись и право аутентическаго толкованія Св. Писанія принадлежало бы одному Маркіону. Иначе говоря, всё «религіи, философскія системы, знанія, искусства и т. д.», память о которыхъ такъ тяготила его душу и отъ которыхъ онъ, слушая великодушныя рѣчи своего друга и товарища по здравницѣ, такъ страстно стремился освободиться, вновь приобрѣли власть надъ нимъ . . .

«Ключъ вѣры», если его принимать дословно, находится въ «вопіющемъ противорѣчій» съ тѣми мыслями, которыя М. О. высказалъ въ «Перепискѣ». Обычно вопіющія противорѣчія смущаютъ насъ и настраиваютъ подозрительно противъ человѣка, который «облпченъ» въ нихъ. И, можетъ быть, будущій историкъ литературы, которому придется выяснять міросозерцаніе М. О., съ горечью или недоумѣніемъ или — если онъ будетъ враждебно противъ него настроенъ — съ злораднымъ торжествомъ станетъ представлять «Ключъ вѣры» — «Перепискѣ». Но для насъ, разъ мы дѣлаемъ попытку услышать М. О. теперь, когда его уже нѣтъ межъ нами, противорѣчія приобрѣтаютъ иной смыслъ и иную цѣну. Мы вспоминаемъ пропикновенныя слова Еклезіаста : «и обратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который и далъ его». Земное учительство останется на землѣ, а на землѣ Бибіа будетъ читаться подъ руководствомъ эллинскихъ мудрецовъ и выросшихъ изъ нихъ Маркіоновъ, Фихте и Гарнаковъ. Здѣсь, на землѣ, о настоящей Бибіи «нельзя», какъ писалъ Михаилъ Осиповичъ В. Иванову, «ни говорить, ни думать». Ибо, если начнешь говорить или даже размышлять—вѣдь размышленіе, какъ училъ Платонъ, есть неслышная бесѣда души съ собой—не избѣгнуть, никакъ не избѣгнуть той колеи, по которой движутся вкусившіе отъ плодовъ запретнаго дерева люди. Но тамъ, куда М. О. возвратился теперь, тамъ можно обо всемъ и размышлять и говорить. Тамъ онъ и Бибію будетъ читать такъ, какъ ее читали въ древнія времена. Тамъ казавшійся всѣмъ столь некультурнымъ и потому предсудительнымъ, даже безумнымъ порывъ его смыть съ души наши знанія и выйти на берегъ нагимъ, какъ первый человѣкъ — тамъ этотъ безудержный порывъ или — быть можетъ — предчувствіе ясновидящаго — найдетъ, лучше сказать, найдетъ свое оправданіе : вѣдь первый человѣкъ, не вкушившій еще отъ древа познанія, былъ свободенъ отъ всѣхъ нашихъ разумныхъ критеріевъ, безъ благословенія которыхъ мы не смѣемъ принять Бога, даже и тогда, когда любимъ его всѣмъ сердцемъ и всей душой, какъ любилъ Его покойный Михаилъ Осиповичъ.

Парижъ, 10 марта 1925.

Л. Шестовъ.